

Битва без избиения: совещание по планетной космогонии 1951 года

А. Е. Левин

100- ЛЕТИЕ со дня рождения Отто Юльевича Шмидта и почти совпавшее с этой датой 40-летие академической дискуссии по планетной космогонии, где концепция Шмидта получила, пусть и с оговорками, нечто вроде идеологической индульгенции, дают неплохой повод для размышлений об апрельских событиях 1951 г. Я ни в коей мере не претендую на полноту их осмысления и интерпретации — хотя бы уже из-за ограниченности имеющихся у меня фактических данных. Задача моя куда скромнее. Я хотел бы, во-первых, показать, что дискуссия эта не укладывается в традиционную схему близких ей целевых научных (здесь нужны бы кавычки) совещаний того времени. И, во-вторых, попытаться связать эту ее особенность с личностью человека,

ради обсуждения идей которого она и была проведена. Необычность, если угодно уникальность, этого первого космогонического совещания — очевидная проблема для истории науки.

Утверждать, что последние годы сталинского режима были для советской науки и культуры в целом смутным и темным временем, значило бы распинать читателей на трюизмах. Некрасовское «бывали хуже времена, но не было подлей» здесь как раз подходит: физических репрессий по сравнению с 30-ми годами стало меньше, но по степени тупого и агрессивно-бездарного наступления аппарата и патронируемой им «новой советской интеллигенции» на сам дух свободного творчества этот период российской истории соперников не имеет. Различ-

Алексей Ефимович Левин, сотрудник Института физических наук и технологии (Мэрилендский университет, США). Профессиональные интересы лежат в сфере гносеологии, истории и теории науки, семиотики. Ранее работал в Институте философии АН СССР и неоднократно публиковался в «Природе».

ные «дискуссии» и «совещания» тех лет, как состоявшиеся, от летней сессии ВАСХНИЛ 1948 г. до объединенного заседания президиума АМН СССР и правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, имевшего место 11—15 октября 1951 г., так и только подготовленные, но не проведенные¹, обнаруживают эту тенденцию с совершенной ясностью. Но первое совещание по космогонии на этом фоне выглядит как едва ли не единственный луч света в темном царстве, хотя и там, конечно, была отдана дань obligatory (как прославляющей, так и проклинаящей) фразеологии.

В чем состояли главные различия? «Типичная» дискуссия конца 40-х — начала 50-х годов имела четко выраженную «негативную» направленность: уже в ходе ее подготовки делался упор на тему защиты советской науки от тех или иных буржуазных измышлений и злоумышления, будь то пресловутый менделизм-морганизм, теория химического резонанса или «антипавловские» методы в физиологии. Эта тема **всегда** развивалась в ходе обсуждения, а победа официального курса закреплялась в итоговом документе и опять же **всегда** преподносилась не только как научный результат, но и как идеологический триумф. «Объекты» санкционированных атак были вынуждены в лучшем случае каяться (на Всесоюзном со-

вещании по теории химического строения в органической химии в июне 1951 г. этим удалось и ограничиться), в худшем же делались «оргвыводы» разной степени тяжести. Итоги совещаний могли быть не столь всеобъемлюще погромными, сколь результаты гангстерской атаки лысенковцев в 1948 г., но они **неизменно** оказывали деструктивное воздействие на советскую науку и подрывали ее международный престиж. Носители победоносных идей обычно занимали ключевые посты в соответствующей научной области, вынуждая противников, подвергнутых остракизму, либо к капитуляции, либо к миграции в другие дисциплины.

Эти типологические особенности или совсем не просматриваются при изучении материалов первого совещания по космогонии, или обнаруживаются в сильно смягченной форме. Возможно, именно поэтому оно еще и не привлекло к себе внимания иконоборчески настроенных советских историков науки — я сужу по материалам, вышедшим из печати до осени 1990 г. Впрочем, не будем предвзято выводов — обратимся к фактам.

Как хорошо известно и многократно подчеркивалось², стержнем исследовательской программы Шмидта стало разделение общей проблемы происхождения Солнечной системы на три компонента: 1 — моделирование фазы препланетогенеза (происхождение центральной звезды и окружающего ее облака); 2 — моделирование самого планетогенеза от начальной дифференциации протопланетной среды до формирования тел системы; 3 — моделирование последующей эволюции планет, прежде всего Земли, со «сверхзадачей» идентификации геологических, геофизических и геохимических следствий теории ее возникновения и выстраивания на этой основе моста между планетной космогонией и науками о Земле.

Этот подход дополнялся акцентированием относительной независимости второй из названных целей в качестве центральной проблемы космогонии, допускающей изучение безотносительно к решению вопроса о происхождении пошедшего на формирование планет вещества. Стоит отметить, что сам Шмидт уже в первом, черновом изложении своего подхода, набросанном в Казани в конце 1943 г.³, исходил из того, что эта материя была захвачена Солнцем во

¹ См.: Сонин А. С. Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3. С. 97—102; № 4. С. 91—98; № 5. С. 93—99.

² См., например: Витязев А. В., Печерникова Г. В., Сафронов В. С. Планеты земной группы: происхождение и ранняя эволюция. М., 1990. С. 6.
³ Архив АН СССР (ААН СССР). Ф. 496. Оп. 1. № 50. С. 1—3.

время его прохождения через какую-то область Галактики, где для этого захвата существовали благоприятные условия. Но поначалу он был склонен принимать этот постулат отнюдь не догматически, допуская и иные мыслимые пути происхождения протопланетного облака. Правда, позднее позиция Шмидта сделалась более жесткой. Так, выступая на конференции в ГАИШе 28 февраля 1948 г., он настаивал на том, что в его теории «новой и главной является идея **захвата**, впервые положенная в основу космогонии Солнечной системы»⁴.

Можно предложить различные объяснения, почему именно Шмидт со временем пришел к столь явному акцентированию концепции гравитационного пленения галактического вещества, которую сейчас обычно называют его **гипотезой** — в отличие от **теории** эволюции протопланетного облака. Он сам неоднократно подчеркивал, что опора на захват позволяет легко обойти проблему распределения момента количества движения в Солнечной системе. Логика здесь не слишком убедительная — одна сложная проблема подменяется другой, не менее сложной. На ум приходят две дополнительные интерпретации.

С одной стороны, могло сказаться желание «застолбить» собственный оригинальный вклад в решение космогонической проблемы — ведь само по себе использование модели формирования планет из среды типа метеоритного роя на оригинальность претендовать не могло. Такая психологическая установка могла возникнуть в качестве своего рода защитной реакции на отнюдь не универсально благожелательное отношение профессионального сообщества к его идеям, в особенности на их восприятие рядом астрономов, увидевших в них плохо обоснованную попытку аутсайдера взяться за решение проблемы, проходящей по их ведомству.

С другой стороны, идея захвата позволяла, так сказать, подкрепить теорию мировоззренчески. Дело в том, что ко времени начала работ Шмидта над гипотезой планетогенеза космогония только стала возвращаться к моделям совместного образования Солнца и планет и убедительных результатов здесь попросту не существовало. Предположение о формировании облака из вещества Солнца, выделившегося под влиянием некоего «разового» воздействия (в духе подходов Т. К. Чемберлина и Ф. Р. Мультона, Дж. Х. Джинса или Г. Джефриса), к 40-м годам потеряло убедительность, а для

Шмидта было вряд ли приемлемо и по мировоззренческим соображениям (тем же самым, кстати, которые вынуждали его резко отрицательно относиться к модели расширяющейся из точечной сингулярности Вселенной).

Подчеркивая цикличность прохождения звезд, включая и Солнце, через облака галактической материи и достаточно высокую вероятность гравитационного захвата, Шмидт мог выводить из этих посылок и распространенность во Вселенной процессов формирования планетных систем, общую регулярность планетогенеза. Это позволяло ему обходить весьма опасные в те времена обвинения в идеализме и «протаскивании» в космогонии чего-то подобного первому акту творения через акцентирование исключительной редкости возникновения планет — инвективы этого рода он и сам адресовал и Джинсу, и сторонникам теории космологической сингулярности. Тем самым подход Шмидта становился привлекательней и для партийных идеологов, что в период расцвета агрессивного идеологического обскурантизма было крайне важным.

Не случайно в популярной лекции о происхождении Земли и планет, прочитанной 10 января 1945 г., Шмидт особо подчеркивал малую вероятность планетогенеза на основании того механизма, который он связывал одновременно с именами Чемберлина, Мультона и Джинса. Шмидт при этом заключил: «Это, конечно, не наше мировоззрение, нам было бы гораздо приятнее думать, что таких шаров (на которых существуют живые обитатели.— А. Л.) имеются миллиарды и что на них имеются свои существа — нас это не обидит»⁵. Эта цитата, кстати еще весьма ранняя, хорошо иллюстрирует отмеченную выше психологическую установку, по всей вероятности, вполне искреннюю. Аналогичные высказывания можно без труда найти и в позднейших текстах Шмидта. Кстати, в этих текстах он особо старался защититься и от идеологических обвинений другого рода, связанных с его якобы недооценкой роли внутренних факторов развития («саморазвития», как любил говорить тогдашние проповедники официального марксизма) и вытекающей отсюда готовности привлечь для объяснения «внешние» факторы, в данном случае те самые галактические облака. Уже в первом издании своих «Лекций» он счел необходимым специально указать, что апелляция к такому не противоречит «учению Ленина — Сталина о всеобщей связи явлений» и что

⁴ Там же. № 98. С. 1.

⁵ Там же. № 69. С. 9.

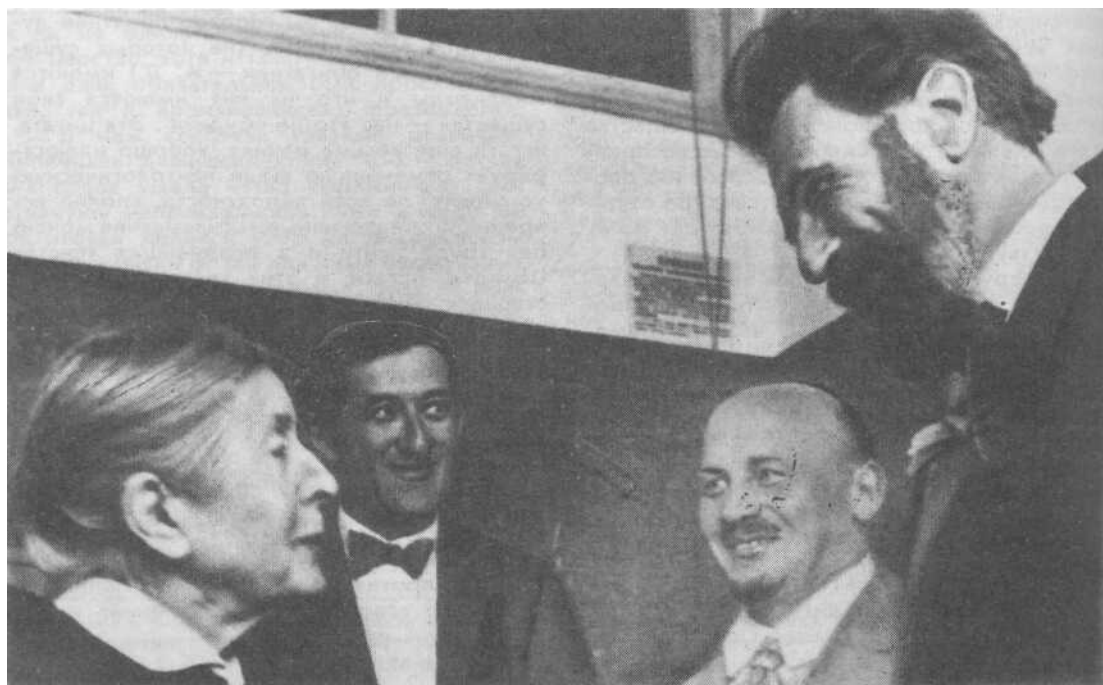

Во время визита во Францию.
1935 г.

В редакции «Известий». Слева
направо: В. Н. Фигнер, Н. И. Бухарин, О. Ю. Шмидт.

На заседании Президиума АН СССР.
1939 г. Слева направо:
А. Е. Ферсман, А. М. Деборин,
А. Н. Бах, О. Ю. Шмидт, Е. А. Чудаков,
В. П. Никитин.

Среди астрономов в саду ГАИШа.
1946 г. Слева направо сидят:
Б. А. Воронцов-Вельяминоа,
О. Ю. Шмидт, С. В. Орлов, Н. Н. Парийский.
Стоят: П. П. Паренаго,
Г. Ф. Хильми, Б. Ю. Левин, С. В. Козловская.

его подход «диктуется самой сутью диалектики»⁶.

Таким образом, во второй половине 40-х годов у Шмидта, как можно предположить, сложился многослойный набор мотиваций, вынуждающих его настаивать на правомерности гипотезы гравитационного захвата околосолнечной материи. Даже в последние годы жизни, когда взгляды Шмидта несколько модифицировались, он не отказался от этой идеи, лишь видоизменил ее, считая более вероятным уже не чисто гравитационное пленение галактического вещества, но захват с участием неупругих столкновений⁷.

Судя по всему, концепция Шмидта в своих основных чертах оформилась где-то за четыре года после начала ее систематической разработки (согласно его заметкам, это начало датируется летом 1942 г.). 31 января 1947 г. он рассказал о своей теории на собравшем массовую аудиторию заседании II Всесоюзного географического съезда в Ленинграде⁸, а в марте представил ее участникам специально созванной конференции, где она обсуждалась астрономами из Пулково, Астрономического института ЛГУ и Института теоретической астрономии АН СССР. В целом в Ленинграде подход Шмидта серьезных возражений не встретил: был достигнут консенсус относительно того, что общие контуры новой космогонической модели уже очерчены и что дальнейшие исследования в предложенном Шмидтом направлении обещают быть весьма перспективными.

Интересно, что, если судить по опубликованному отчету⁹, на этом совещании говорилось о предстоящей в Москве всесоюзной конференции по планетной космогонии как о деле уже решенном, что противоречит содержащейся в воспоминаниях Б. Ю. Левина информации о том, что подготовка к организации этой встречи началась лишь во второй половине 1950 г. Если действительно идея конференции хотя бы обсуждалась уже в 1947 г., то было бы интересно выяснить, почему она на деле была проведена с четырехлетним запозданием — хотелось бы надеяться, что со временем эту загадку удастся разрешить.

Впрочем, на следующем профессио-

нальном обсуждении работ Шмидта, состоявшемся 28 февраля 1948 г. в ГАИШе, о предстоящей дискуссии, кажется, уже ничего не говорилось — во всяком случае, в появившемся в печати отчете таковая не упоминается¹⁰. На этой встрече, созванной, вполне в духе времени, дирекцией и **партийной организацией** ГАИШа, участвовал главный космогонический оппонент Шмидта В. Г. Фесенков. О взглядах Шмидта он отозвался крайне критически, обьявив его подход чисто механическим, не учитывающим радиационные и иные релевантные физические эффекты и основанным на ряде недоказанных допущений — в общем, неприемлемым. Негативной была и оценка Н. Д. Моисеева, который счел шмидтовскую гипотезу гравитационного захвата спекулятивной, а всю его космогоническую схему — не более чем развитием представлений Канта, не заслуживающим даже права на титул «новой космогонической теории». Стоит отметить, что и позднее астрономы ГАИШа в целом относились к работам Шмидта достаточно неодобрительно.

В печати тех лет, насколько мне известно, обошлось без приписывания взглядам Шмидта каких-то идеологических дефектов, хотя есть сведения¹¹, что на кулуарном уровне намеки подобного рода высказывались. Впрочем, нет признаков (во всяком случае явных) того, что в конце 40-х годов произошло заметное ослабление позиций Шмидта.

Оставляя в стороне гипотезы, следует констатировать, что всесоюзное совещание по концепции Шмидта было создано весной 1951 г., когда он уже успел выпустить два издания своей главной космогонической работы «Четыре лекции о теории происхождения Земли». После слияния в 1946 г. Института теоретической геофизики с Сейсмологическим институтом во вновь образованный Геофизический институт АН СССР Шмидт был назначен его директором и оставался им до декабря 1948 г., когда его просьба об освобождении от директорства была удовлетворена.

Туберкулез Шмидта, которому и суждено было стать причиной его смерти, сделал для него административную работу практически невозможной. Созданный Шмидтом в Институте теоретической геофизики отдел эволюции Земли продолжал функционировать в Геофизическом институте и постепенно разрастался. Выход двух изданий «Лекций» также не свидетельствовал о каком-то существенном падении влияния и админи-

⁶ Шмидт О. Ю. Четыре лекции о теории происхождения Земли. М.—Л., 1949. С. 13.

⁷ Об этом см., например: Левин Б. Ю. Создатель теории происхождения Земли // Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. М., 1959. С. 64—94.

⁸ Изв. Географического о-ва. 1947. № 3.

⁹ Эйгенсон М. С. Ленинградская конференция по космогонии акад. О. Ю. Шмидта // Природа. 1947. № 10. С. 90—93.

¹⁰ Астроном, журн. 1948. Т. 25. № 4. С. 280—284.

¹¹ Дуэль И. Каждой гранью. М., 1981. С. 154—155.

стративной кредитоспособности их автора.

Мне представляется особенно важным то обстоятельство, что апрельское совещание 1951 г. было проведено скорее по инициативе самого Шмидта, нежели с подачи его противников. Подготовка к совещанию велась — и велась, естественно, аппаратными способами — также с участием Шмидта, который, по свидетельству его сотрудника В. С. Сафронова, действовал через тогдашнего главного ученого секретаря АН СССР А. В. Топчиева (своего рода наместника властей) и сотрудника Отдела науки ЦК ВКП(б) Грязнова.

Прежде чем переходить к обсуждению материалов совещания, подчеркну следующее важное обстоятельство. Если сравнить общий стиль и тон выступлений его участников со стенограммами других встреч, о которых шла речь в начале статьи, то впечатление будет вполне благоприятным. Боюсь, что эта моя оценка расходится с посмертно опубликованными воспоминаниями И. С. Шкловского, который, признавая талант и личную порядочность Шмидта, упрекал его в «лысенковских» методах пропаганды своих взглядов и навязывания их астрономическому сообществу¹². Еще дальше пошел Андрей Битов, поразивший читающую публику заявлением, что Сталин, подобно Гитлеру, имел свою космогонию, главными жрецами которой были Шмидт и Фесенков¹³.

Мне представляется, что подобные оценки все же, мягко говоря, не слишком обоснованы — в значительной степени это преувеличения, аберрации памяти, отражения каких-то конфликтов интересов или личных неурядиц и т. п. Хотя сам Шмидт в своем докладе на совещании, в ряде публикаций, особенно в идеологических изданиях типа «Вопросов философии», и прибегал к совершенно стандартным, по сути дела ритуальным инвективам против якобы неустранимых заблуждений и пороков буржуазной науки в целом и космогонии в частности, ни он, ни его сотрудники практически никогда не пользовались подобными приемами в полемике со своими оппонентами в Советском Союзе (о паре незначительных исключений я в свое время упомяну).

Поведение Шмидта в этом плане выгодно отличается от действий лидеров научных клик и кланов в СССР того времени, не говоря уже о столь одиозной фигуре, как Т. Д. Лысенко. Стоит отметить, что

«контрдоклад» Фесенкова на совещании, зачитанный в его отсутствие П. Г. Куликовским, был более агрессивным по отношению ко взглядам Шмидта, нежели доклад Шмидта — ко взглядам Фесенкова. В частности, Фесенков без всякого на то основания упрекнул Шмидта в полной несостоятельности его концепции со всем, «что известно об эволюции небесных тел и физических свойствах солнечной системы»¹⁴, а также, что вообще вызывает удивление, поставил под сомнение применимость дедуктивных рассуждений «в естествознании и особенно в космогонии».

Если доклад Шмидта пестрит идеологическими наскаками на западную космогонию, то, во-первых, степень их интенсивности нельзя не признать сравнительно умеренной, во-вторых, Шмидт признает за западной космогонией и ряд «положительных» качеств, что для того времени было не столь уж тривиальным поступком. (Кстати, совершенно аналогичные заклинания можно с легкостью найти и во вступительном слове И. Г. Петровского, и в выступлении Фесенкова, который в качестве «примера правильной разработки естественнонаучной теории» называет «теорию» Мичурина.) Наконец, важно подчеркнуть, что Шмидт в своем докладе особо настаивал на том, что все различия между советскими космогонистами — «это различия внутри одного лагеря — материалистического»¹⁵. Вряд ли стоит напоминать, что в таких случаях принято было пользоваться аргументами иного рода и стиля.

Я не берусь с уверенностью судить, было ли идеологическое обрамление доклада Шмидта действительным выражением его собственных взглядов и в какой мере тут присутствовали и следование правилам научно-политических игр тех лет, и стремление продемонстрировать собственную идеологическую ортодоксальность и компетентность, и желание заранее нейтрализовать идеологические атаки со стороны менее скрупулезных коллег, и намерение обеспечить для себя и своих последователей достаточно безопасную экологическую нишу. Вероятно, здесь играли роль все эти факторы, смешанные в какой-то непроситой пропорции.

Шмидт вряд ли страдал цинизмом, его юношеское очарование идеями большевистской революции скорее всего не было неискренним. С другой стороны, не следует забывать, что уже с 30-х годов взгляды

¹² Энергия. 1988. № 6. С. 52—53.

¹³ Новый мир. 1989. № 4. С. 140.

¹⁴ Труды Первого совещания по вопросам космогонии 16—18 апреля 1951 г. М., 1951. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 17.

предтеч революции и основных ее лидеров преподносились в СССР исключительно в их сталинской, или, так сказать, просталинской, интерпретации — сильно огрубляющей, сверхполитизированной, догматичной и с течением времени все более ксенофобичной. При этом зазоры между «руководящими указаниями» самого Сталина и его ближайшего окружения касательно общих вопросов идеологии и конкретными истолкованиями и приложениями этих указаний еще подлежали заполнению.

Среди тех, кому была доверена эта миссия, уже с 20-х годов находился и Шмидт. В качестве члена президиума и заведующего секцией естествознания Коммунистической академии он всегда солидаризировался с официальной «линией» этого института, провозглашающей неизбежность «деградации» и «идейной беспомощности» буржуазной науки. В контексте нашего теперешнего знания его нетрудно упрекнуть во многом. Например, очевидно одиозной была его роль в составлении устава высшей школы 1921 г., отменившего университетскую автономию, или, скажем, в академической комиссии по «делу» Н. Н. Лузина летом 1936 г. Но все же историческая объективность требует признать, что в рассматриваемый период Шмидт вел себя по-другому.

Не будучи ни еретиком, ни святым, хорошо зная все тонкости аппаратных игр и идеологических ритуалов и в науке, и в государственном управлении, разделяя многие предрассудки своей среды и ее политической «культуры», Шмидт все же не обнаружил склонности к решению космогонических споров полицейскими методами. Для того времени это было немало.

На пяти заседаниях совещания в общей сложности выступили, кроме самого Шмидта и Петровского, 40 человек (Н. А. Козырев — дважды). Изучение протоколов показывает, что идеологические темы так или иначе присутствовали не только у Шмидта и Петровского, но и еще в 11 выступлениях астрономов и астрофизиков. Интересно, что в выступлениях представителей наук о Земле такие темы не прослеживаются. Иногда использование идеологически окрашенной фразеологии было достаточно поверхностным и явно «служебным», но подчас оно выходило далеко за рамки, очерченные докладом Шмидта.

Например, ленинградский астроном М. С. Эйгенсон упрекал «буржуазный Запад» в «космогоническом маразме», а сотрудник Шмидта Г. Ф. Хильми защищал его теорию с помощью ссылок на Энгельса. Были, впрочем, и примеры иного рода; так,

тогдашний директор Пулковской обсерватории А. А. Михайлов дал вполне корректный и даже доброжелательный обзор зарубежных космогонических исследований, включая даже и работы многократно обруганного в СССР Джинса.

Имеет смысл посмотреть, как распределялись оценки концепции Шмидта у различных групп выступавших на совещании. Хотя его материалы не содержат указаний на их специальность, изучение различных советских источников позволило мне идентифицировать почти всех. В прениях участвовали: 28 астрономов, астрофизиков и специалистов по небесной механике; 10 представителей наук о Земле; один физик-теоретик (К. П. Станюкович), а также А. В. Трофимов, сведений о специальности которого мне найти не удалось. Исключая последних двух, мы получаем группы «астрономов» и «геологов». В первой 11 человек достаточно определенно поддержали Шмидта; среди них, что неудивительно, его сотрудники Б. Ю. Левин и Г. Ф. Хильми, а также ленинградские астрофизики Л. Э. Гуревич и А. И. Лебединский, опубликовавшие важное исследование динамической эволюции околосолнечного пылевого облака. Напротив, пять астрономов, включая самого Фесенкова и его ученицу А. Г. Масевич, высказались против концепции Шмидта в целом. Еще семь человек из этой группы, не отклоняя подхода Шмидта полностью, заявили о несогласии с его гипотезой гравитационного пленения галактической материи. Наконец, пять оставшихся членов этой группы в своих выступлениях затрагивали темы, не имеющие прямого отношения к идеям Шмидта.

Таким образом, из 28 «астрономов» о концепции Шмидта говорили 23 человека, почти половина (11) ее одобрили, а из оставшихся лишь пять выразили уверенность в ее неперспективности. То, что гипотеза захвата вызвала наибольшее число критических реакций, вполне естественно, но бросается в глаза, что некоторые участники дискуссии старались только о ней и говорить, выставляя аргументы против нее в качестве опровержений всего подхода Шмидта. Были, конечно, и вполне деловые возражения. Например, В. А. Амбарцумян, признав корректным данное Шмидтом и его сотрудниками доказательство возможности гравитационного захвата в задаче трех тел, все же подчеркнул, что эти расчеты не снимают ряда других серьезных возражений против идеи захвата: неизвестно, как и где последний имел место и что именно было захвачено. В то же время он при-

знал плодотворность самой планетезимальной модели, в частности, важность данного Шмидтом объяснения вращения планет. В общем выступление Амбарцумяна выглядит весьма сбалансированным, что, вероятно, удивило многих: он достаточно ревниво относился к космогоническим претензиям Шмидта, и были основания опасаться, как вспоминает Е. Л. Рускол, что на совещании захочет добиться осуждения всего шмидтовского подхода.

Выступления «геологов» демонстрируют иной спектр мнений. Гипотезу захвата в этой группе не опровергал никто: вероятно, для ученых неастрономических специальностей она была делом второстепенной важности. Четыре человека из 10 поддержали теорию Шмидта, один высказал отрицательное отношение, пять выступлений оказались либо нейтральными, либо вовсе не касались главного предмета обсуждения. В общем при чтении этих текстов не удается отделаться от мысли, что космогонические идеи Шмидта находились на периферии интересов геологического сообщества — как, вероятно, и вся космогония.

Решения совещания — это, несомненно, любопытный документ. После обычных фраз об ущербности буржуазной науки и успехах советской космогонии идет в целом вполне объективная и выдержанная в спокойном духе оценка результатов Шмидта. Их критика ограничивается чисто научными моментами (например, отсутствие объяснения происхождения комет, астероидов и метеоритов и трудности в объяснении состава больших планет), но не содержит никаких «идеологических» выводов. Совещание рекомендовало вполне разумную программу последующих междисциплинарных космогонических исследований и высказалось за издание сборников по проблемам космогонии, что и было осуществлено. В целом решения совещания оказались деловыми и, если не считать обязательного фразеологического обрамления, идеологически нейтральными — выгодное отличие от подобных документов того времени. С одной стороны, это означало нейтрализацию идеологических выпадов против Шмидта, с другой же — подтвердило некий баланс сил между «шмидтовцами», «фесенковцами» и, так сказать, «прочими». Итогом не стало рождение новой монополии в науке, будь то проли антишмидтовской. Совещание не инициировало и какую-либо кампанию покаяния или чистки «непокорных».

Однако очень точным индикатором повышения акций Шмидта было появление зимой 1952 г. в советской прессе адресо-

ванных массовому читателю изложений концепции Шмидта, написанных его очевидными единомышленниками¹⁶. Любопытно, что кое-где ее уже именовали **учением** — высшая по тем временам форма признания. Сам Шмидт печатал популярные статьи и выступал с лекциями о своих достижениях. Сейчас это выглядело бы как интенсивная самопропаганда, но для тех времен такое поведение было естественным. Симптомом укрепления позиций Шмидта можно считать и то, что тогда же, в 1952 г., он возглавил переведенный из Ленинграда в Москву единственный в Академии популярный журнал «Природа».

Если из песни выкидывать слова непозволительно — а это действительно так, — то надо признать, что иногда Шмидт обнаруживал склонность к более жесткой и, если угодно, идеологически активной обороне. В относящейся к лету 1950 г. рукописи неопубликованной статьи для «Правды» он полемизирует с Фесенковым и Амбарцумяном на несколько менее дипломатическом языке¹⁷, а в декабре следующего года, выступая на Всесоюзном совещании руководителей философских секций Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, даже упрекает их в некоторых уступках агностицизму и эклектике, впрочем, в очень мягкой форме, специально подчеркнув, что «в основном эти ученые — борцы за материалистическую науку»¹⁸. Впрочем, в контексте обычных для тех лет идеологических «спектаклей» все это выглядит в высшей степени неустрашающе.

Стоит отметить, что созданную при Отделении физико-математических наук АН СССР Комиссию по космогонии (постановление Президиума АН СССР от 12 сентября 1952 г.) возглавил не Шмидт, а именно Амбарцумян. В общем ни по личностным качествам, ни по этическим установкам Шмидт не годился на роль «Лысенка от космогонии» и вряд ли стремился таковым стать. Быть может, это обстоятельство и оказалось важнейшей (хотя вряд ли единственной) причиной столь необычного протекания первого совещания по космогонии.

¹⁶ См., например: Лебединский А. Новое в учении о происхождении планет // Известия. 1952. 17 февраля; Левин Б. Новое в науке о происхождении небесных тел // Комсомольская правда. 1952. 1 марта.

¹⁷ ААН. Ф. 496. Оп. 1. № 125. Л. 4.

¹⁸ Там же. № 136. С. 20.

Хочу выполнить приятный долг и поблагодарить А. В. Витязева, Е. Л. Рускол, В. С. Сафронова и С. В. Козловскую за беседы и иную помощь в сборе материалов для этой статьи.